Есть человек в Обществе Душ. Человек, стремившийся стать похожим на шинигами, что когда-то спас ему жизнь, избрал такой же путь. Этот человек, несмотря на то, что был простолюдином из Руконгая, добился отличных результатов в Академии духовных искусств и взобрался на должность лейтенанта. Справедливый, верный приказам, готовый получить ранение ради спасения своих товарищей, он отдал бы жизнь во благо Общества Душ. Кроме того, он был безжалостен к своим врагам, и хотя предпочитал честный бой, ради справедливости он мог скрыться в грязи и застать врагов врасплох.

Шинигами. Он — тот, кто несет смерть своим врагам. Он — тот, кто проводит над мертвыми обряд очищения. И он — тот, кто превращает «смерть» людей, живущих в человеческом мире, во «спасение». Несомненно, его можно назвать образцом для шинигами в Обществе Душ. Плохо это или хорошо, но он был воплощением «шинигами Готей 13». И имя этому шинигами — Хисаги Шухей.

Быть лейтенантом девятого отряда достаточно для того, чтобы записать свое имя в хрониках Общества Душ, он — сильный воин, между ним и обычными солдатами лежит огромная пропасть. Тем не менее, существовал явный разрыв между теми, чьи имена останутся в записях Общества Душ, и теми, кого будут помнить тысячи, таких как Ямамото Генрюсай Шигекуни, Зараки Кенпачи и Куросаки Ичиго.

Но даже так, его продолжали называть «лейтенантом, достойным своего звания». Была ли это похвала или же насмешка, Шухей не знал и сам. Хотя даже если бы он знал, он не свернул бы со своего пути. Потому что он уже его выбрал.

Когда шинигами спас его? Когда он поступил в Академию, в тот миг, когда он впервые сжал занпакто? Когда он потерял своих товарищей на тренировке? Когда он столкнулся с образом жизни человека, который должен был стать ему примером, когда он посвятил свою жизнь этому человеку в качестве его лейтенанта? Или… когда он убил этого человека своими собственными руками? Никто не мог сказать, когда он принял жизнь шинигами. Возможно, даже сам Хисаги Шухей, который продолжает идти этой дорогой.

— Итак, желаете произнести последние слова? — замечание главнокомандующего окружило преступника спокойным эхом.

За несколько дней до завершения войны с квинси было завершено истребление загадочных птицеподобных созданий, что наводнили Сейретей, и хотя в округе запах смерти стал слабее, нити напряжения, тянущиеся от бараков 1-го отряда, остались так же неизменны, как и во время войны.

Главнокомандующего Кёраку окружили члены карательного отряда, управляющие Мукеном, самым нижним уровнем подземной тюрьмы, и шинигами-капитаны, переполошенные экстренной ситуацией. Айзен Сосукэ — человек, обвиняемый в измене и временно освобожденный из Мукена, был готов к повторному заключению.

В настоящее время многие шинигами погибли в битве с квинси, и многие из тех, кто выжил, проходили лечение. Благодаря содействию Иноуэ Орихимэ, многие шинигами, находившиеся на пороге жизни и смерти, смогли выжить. Но способность девушки, Сотен Кисюн, не подходила для лечения реацу. Если реацу шинигами не восстанавливалась до первоначального уровня, тогда, даже хотя раны исцелялись, жизнь пациентов, а также сила Орихимэ становились нестабильны.

Таким образом Орихимэ был назначена ответственной за серьезно раненных пациентов,

которым не мог помочь кто-либо еще. Тех, чья ситуация не была критической, лечили члены 4 отряда. Но даже сила Орихиме, способная регенерировать тело взорвавшегося арранкара, имела свои пределы. Сотен Кисюн не мог спасти тех, для кого прошло много времени с момента получения смертельных ран, тех, чья душа исчезла полностью, и тех, от кого не осталось и следа.

После массовой гибели людей шинигами, подавленные чувством бессилия, приуныли — однако, известия об их окончательной победе было достаточно для того, чтобы Готей 13 воспрял духом. Хотя «всевозможные меры предосторожности» не имели особой значимости перед Айзеном Сосуке, шинигами, имеющие дело с его повторным заключением, сохраняли максимальную бдительность. Как бы то ни было, только главнокомандующий Кёраку в конечном счете войдет в «Мукен».

Соблюдая формальность, Кёраку спросил Айзена о «последних словах», однако он прекрасно понимал, что бездумная болтовня с Айзеном опасна. Даже в его нынешнем состоянии, когда он был прикован к стулу, и различные части его тела запечатаны, он все еще мог использовать кидо, и каждое слово, слетевшее с его губ, могло быть частью его хитроумного плана. Кёраку думал о том, что немедленно запечатает его голос, если он начнет говорить что-то угрожающее, но Айзен покачал головой, показывая свою храбрую улыбку.

— Какая жалость, но все, кто сейчас здесь, не заслуживают моих слов. Это и тебя касается, Кёраку Шунсуй.

— Рад это слышать. То, что тебе кажется достойным для последней речи, для других может обернуться проблемами.

— Я бы хотел еще немного поговорить с Куросаки Ичиго. Но Урахара Киске мне помешал.

Если учесть военный потенциал Ичиго, вероятно, он должен был быть на месте запечатывания Айзена, однако против Айзена, который мог бы повлиять на пустого внутри Ичиго, была предпринята подобная мера предосторожности. Ичиго в настоящее время находился в резиденции Кукаку Шиба в Руконгае со своим отцом — Куросаки Ишином, а также Иноуэ Орихиме и другими.

— Из-за того, что Ичиго-кун не отсюда? Кроме того, ты уже все ему сказал, не так ли? — говоря так, словно уклоняясь от основного предмета, Кёраку поправил шляпу и взглянул на Айзена своим здоровым левым глазом.

Хотя благодаря Урахаре Киске, печати стали даже мощнее, чем прежде, он все еще не собирался отпускать свою охрану. «Вы собираетесь поверить такому типу, как Урахара Киске?» — говорил Куроцучи Маюри, только что вышедший из своего спасательного устройства. Он попытался самостоятельно создать новые физические ограничители, но времени ждать его не было.

— Тогда начнем? После того, как закончишь свой тюремный срок, я молюсь, чтобы ты стал союзником Общества Душ.

— Это пожелание чуждо твоему сердцу, — улыбаясь, словно он видел всех насквозь, Айзен умело подбирал слова, не глядя на Кёраку.

— Во всяком случае ты действительно веришь, что Общество Душ продолжит существовать, пока мой срок не закончится?

— Конечно. В конце концов, это наша работа — убедиться в том, что оно будет существовать.

— Ты ведь тоже видел это во Дворце Короля Душ? Это подлинный грех Общества Душ.

— …

Как ни странно, когда Айзен говорил, он использовал то же выражение, что и его бывшая подчиненная Харрибел.

Кёраку понимал. Внутри Дворца он и сам видел это — то, о чем говорил Айзен. Однако он намеренно не ответил на слова Айзена и направился ко входу в Мукен. Даже если у него был ответ для него, он решил, что он должен быть произнесен после того, как они наконец доберутся до места, где голоса других капитанов не достигнут их, — внутри Мукена.

Айзен тоже не ожидал ответа, но затем он заговорил цинично, как если бы он мог видеть сердца Кёраку и шинигами вокруг них.

— Ты так немногословен. Боишься, что разговор со мной пробудит воспоминания о предателях? Таких как Канаме Тоусен.

В этот момент перед бараками первого отряда раздался разгневанный голос:

— Не валяйте дурака!

Это был не Кёраку, разозлившийся и поднявший голос, а задыхающийся шинигами, который приближался к ним. Он был молод, на его лице красовались шрамы и татуировка — тем шинигами оказался лейтенант 9 отряда, Хисаги Шухей. На его перевязанное тело больно было смотреть, похоже, что он только что сбежал из казарм 4 отряда. Он все еще с ног до головы был покрыт ранами.

Лилье Барро из Шутцштаффеля Яхве стрелял в него, он был на пороге смерти из-за урона, нанесенного его Сакетсу* и Хакусуи*, которые заменяли шинигами сердце (прим. пер. 1 — для повышения духовной силы, 2 — источник духовной силы. Если их уничтожить, шинигами лишится всех сил). Однако из-за точности атаки Лилье, за исключением его пробитого насквозь тела, других повреждений не было, и он чудом выжил. Хисаги, получивший лечение от Орихиме, исцелил лишь свои физические раны, но его реацу, потерянная в тот момент, когда повредили его Хакусуи, не могла так легко восстановиться, и фактически он провел несколько дней в коме.

Несмотря на то, что он не полностью вылечился, он предстал перед Айзеном, которой был готов к перезапечатыванию. Одной из причин, почему он вызвался прекратить распри, был его долг лейтенанта 9 отряда. Начальник Хисаги Шухея, капитан 9 отряда, Мугурума Кенсей, после зомбификации все еще находился в медицинской капсуле в 12 отряде, пытающимся вернуть его в нормальное состояние. Таким образом, несмотря на то, что он едва мог двигаться, он пытался следить за этой сценой. А другая причина заключалась в том, что наполовину бессознательно он хотел убедиться в тюремном заключении человека, из-за которого он нанес вред своему бывшему начальнику — Тоусену Канаме.

Честно говоря, его сердце уже должно было знать. Если Айзена снова возьмут под стражу, все наладится.

Хисаги крепко сжал кулаки, стараясь сдерживаться и думая о том, что не может позволить своим личным недовольствам усложнить ситуацию. Однако приблизившись к Айзену он

услышал слова, сломавшие его решимость.

— Ты хочешь сказать, что капитан Тоусен… изменил свои убеждения, поверив твоим словам?..

— Что за странные вещи ты говоришь, Хисаги Шухей. — столкнувшись с гневом Хисаги, Айзен ответил невозмутимо. — Кажется, ты не был свидетелем того, как Тоусен Канаме поменял свое мнение? К тому времени, как ты стал шинигами, Тоусен Канаме уже был моим подчиненным.

— ..!

— Шухей-кун, твоя злость оправдана. Но прости. Ты не мог бы ее немного попридержать?

— … да, я понимаю, главнокомандующий, — сказал Хисаги, тянущий руку к занпакто, в ответ на упрек Кёраку. Он успокоил свое сердце прежде, чем ответить Айзену.

— Возможно, ты победил Яхве, объединившись с Куросаки, но… неважно что ты делаешь, для меня ты навсегда останешься причиной краха капитана Тоусена.

Месть. Сколько раз ему на ум приходило это слово, когда он слышал имя «Айзен»? Однако одновременно с ним ему вспоминалось два значения: и положительное, и отрицательное. В его сердце, несомненно, была ненависть к Айзену, который направлял Тоусена по неверному пути, приведшему к тому, что он сломался. С другой стороны, его окружали сомнения и разочарования по отношению к самому себе, пойманному в сеть негативными эмоциями. С точки зрения Хисаги, который попался жажде мести и пошел на то, чтобы сбить Тоусена с его неправильного пути, разговор о «мести» был не более, чем оскорбление шинигами, капитана Комамуры, который присоединился к нему на поле боя, и более того, самого Тоусена.

Словно видя мысли Хисаги, Айзен выдавил слабую улыбку и связал воедино жестокие слова:

— Навсегда? Не стоит разбрасываться такими утверждениями, а? Даже суждения Тоусена Канаме оказались не вечными.

— Тц! Ты говоришь такое… — гневную фразу Хисаги оборвал Айзен, продолживший свою речь.

— Кажется, ты не понимаешь одну вещь.

Айзен попал под прицел недоумевающих взглядов и произнес следующие короткие слова:

— Это мое милосердие.

В этот миг воздух стал ледяным. Не только Хисаги, но и Кёраку, и шинигами, стоящие вокруг, были не в состоянии расшифровать значение фразы Айзена.

В этой глухой тишине Хисаги открыл рот, его сжатый кулак трясся:

— Твое… милосердие?

После бесстыдного заявления Айзена Хисаги снова закипел от гнева. Но он был направлен не на Айзена, а на собственную слабость, что позволила такому человеку с легкостью убить Тоусена Канаме.

— Если это правда… сколько же еще ты будешь над ним издеваться, ублюдок.

В отличие от Хисаги, Айзен продолжал говорить невозмутимо.

— В той ситуации было очевидно, что-либо Иноуэ Орихиме, либо Унохана Ретсу в конечном итоге прибудут и попытаются спасти Тоусена Канаме. Но вы не могли понять, каково ему будет.

— ..?

— Если бы Тоусен Канаме остался в живых, то его существо в конце концов уступило бы беспросветному отчаянию, и сердце его полностью бы исчезло. Я не мог допустить, чтобы обладатель такой замечательной решимости был еще более запутан и убит своим отчаянием. По этой причине я предложил самому верному из моих подчиненных милосердную смерть. Вот что произошло.

Шухей не мог понять все, что говорит тот человек. Несмотря на это, казалось, что он не обманывал их расплывчатыми оправданиями. Не обращая внимания на недоумение Хисаги, Айзен обратился к шинигами.

— Придет время, и вы все узнаете. Это Общество Душ и понятие шинигами… за ними стоят опасные иллюзии.

— … нужно ли заходить так далеко? Ты чересчур разговорчивый, — прервав словесные излияния Айзена, Кёраку выдал инструкции карательному отряду по транспортировке преступника ко входу в Мукен.

— Пожалуйста, подождите, главнокомандующий. Что этот ублюдок Айзен…

Капитан 2 отряда Сой Фонг встала на пути Хисаги. В мгновение она скрутила ему руку, оказываясь позади.

— Достаточно! Ты не единственный, кто потерял из-за него друзей.

— Гх! Но капитан Сой Фонг!..

— Если бы подобные тебе могли его победить, тогда мы могли бы с ним разобраться! А так твои действия только вызовут хаос!

— … — Хисаги Шухей и сам знал это лучше, чем кто-либо. Перед силой Айзена он был ни на что не способен. Что он мог с собой поделать, когда его настолько вывели из себя эти простые слова?

Несмотря на всю ненависть, убить его было невозможно. Простить или забыть также не обсуждалось. Хисаги это уже давно понял.

Кресло Айзена сдвинули, и он, склонив голову, взглянул прямо на Хисаги.

— «Махать мечом из-за долга — работа капитана. Размахивать клинком из-за ненависти — не более, чем отвратительная жестокость». Хицугая Тоширо однажды сказал мне это.

— Тц… — после этих слов Хисаги больше не мог ничего произнести.

Он чувствовал, что все еще далек от звания капитана, он думал об этом. Он принимал слова Айзена, поэтому, вместо того, чтобы спорить с ним, Хисаги опустил глаза, до скрежета стиснув зубы от досады.

Но Айзен отрицал стыд Хисаги.

— Будь уверен. То, что ты держишь в себе, — это не ненависть. Это всего лишь сентиментальность в отношении умершего Тоусена Канаме и его поступков.

— Чтооо?

— Ты должен помнить. Какой бы не была твоя решимость, невозможно убить воина с помощью чувств.

— Тц!

Кёраку хлопнул в ладоши, попытавшись прекратить дальнейшее развитие разговора.

— Ну, ну, а не закончить ли нам на этом? Хватит угрожать ребятам своей реацу. Разве здесь кто-то достоин твоих слов?

Все шинигами перевели на него свои взгляды. Некоторые члены карательного отряда, перемещающие Айзена, покрылись холодным потом.

— Эти ребята — простое развлечение для меня, потому что я теперь буду проводить время с со скукой, размышляя над тем, могут ли эти банальные слова изменить будущее Общества Душ.

— Боже-боже. Не могу сказать, что у тебя хорошие идеи для развлечений.

Члены карательного отряда, наконец-то освободившиеся от влияния его реацу, задыхались, снова продвигаясь вперед. Пока он постепенно погружался под землю, словно пытаясь чего-то достигнуть, Айзен «атаковал» шинигами такими же неизменно спокойными словами:

— Если вы хотите видеть истину без помех, тогда сражайтесь, жертвуя своей плотью, кровью и душой. — наконец, он обратился с несколькими краткими фразами, которые можно было бы считать ненужным дополнением, к Хисаги Шухею, стоявшему в оцепенении. — По крайней мере, Тоусен Канаме смог это сделать. Не тебе ли это знать?

Итак, силуэт преступника исчез в глубинах мрака. Хотя речь Айзена приобрела философский взгляд на мир, он не казался дальновидным, и многие шинигами хмурились, не желая признавать поражение, — но некоторые капитаны утаили кое-что в укромном уголке своего сердца: «Хоть он и человек, который играет с ложью и фальшью, но он не тот, кто говорит бессмыслицу».

Хисаги не смог разобраться в своих эмоциях даже в самом конце, и слова Айзена стали медленным ядом, который остался в его сердце. Этот яд не испортил сердце Хисаги, но он покусился на его судьбу и, в конце концов, заманил его в одну битву. Или, может быть, это был не яд, который оставил Айзен, а судьба, которая неизбежно настигла бы его, пока он следовал по пути Тоусена.

Хисаги Шухей не был пророком или всезнающим, всемогущим существом, он не мог знать свою судьбу наперед.

Он не герой, который останется в людских воспоминаниях, как Куросаки Ичиго. У него нет такой бескрайней мощи, как у Зараки Кенпачи. Он не такой мудрец, как Урахара Киске. Он не изобретатель, как Куроцучи Маюри. У него нет такого положения, как у Кучики Бьякуи. Он не вундеркинд, как Хицугая Тоширо. У него нет такого опыта, как у Ямамото Генрюсая. Он не так ярок, как Кёраку Шунсуй. Не такой сильный, как Комамура Саджин. Не такой бесстрашный, как Мугурума Кенсей.

В этом отношении было несколько качеств, которыми он обладал, например, он был хорош в самоиронии на вечерах с алкоголем: «Выдвинусь ли я на должность капитана или останусь лейтенантом, мне не хватает бесчисленного количества качеств». Другими словами, его гордости шинигами.

Хисаги Шухей еще не знал. Чтобы защитить такие обыденные вещи, что есть у всех воинов Готея 13, они понесут судьбу всего мира на своих плечах. Прошло всего полгода после окончания войны, когда он столкнулся с этой правдой.

http://tl.rulate.ru/book/86976/2785980